

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1036-1048. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1036
Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Idea of the Constitution in the Projects of State Reforms of the Russian Emperor Alexander I

Vladimir A. Tomsinov^{a, *}

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the attempts of Emperor Alexander I to introduce the Constitution and representative institutions in Russia. The idea of the Constitution was the basic idea of the state reforms of Emperor Alexander I. It followed from the main conception of these reforms and was to become their ultimate goal. During his nearly twenty-five-year reign, Alexander I at least three times started creation a draft Constitution for the Russian Empire with the intention to put it into effect, but did not dare to do so. The author shows that these attempts were not a "game of reform", but expressed the Emperor's real intention to introduce constitutional rule in Russia. And the refusal of its implementation had serious grounds. The most significant reason for the preservation of the autocratic system in Russia was the need for fundamental state reforms, the most urgent of which were: the abolition of serfdom, the systematization of legislation, the creation of a new court, the formation of a new system of local government. The autocratic power of the Emperor, which assumed disconnectedness of his personality by representative institutions and laws, the independence of his personality from different social groups, etc. allowed him to serve as an effective instrument of reform, meet the interests of the Russian state, and it is relatively easy to overcome resistance to these reforms from powerful social groups.

Keywords: XIX century Russia, emperor Alexander, idea of constitution, Speranskii.

1. Введение

Идея конституции была стержневой идеей государственных реформ императора Александра I. Она вытекала из главного замысла этих реформ и предполагалась их конечной целью. Преобразования в сфере государственного строя Российской империи, затеянные его величеством в первый же год пребывания на царском престоле, были призваны модернизировать механизм осуществления верховной государственной власти, упорядочить управление страной, ограничить произвол чиновников. Конституция рассматривалась государем-реформатором одновременно и как средство, обеспечивающее выполнение этих задач, и как цель государственных реформ, достижение которой упрочит результаты этих преобразований, сделает их необратимыми.

На протяжении своего почти двадцатипятилетнего царствования Александр I по меньшей мере трижды затевал разработку проекта конституции для Российской империи с намерением ввести его в действие: сначала в рамках так называемого «Негласного комитета» в 1801–1803 годах, потом с помощью М.М. Сперанского в 1809 году и, наконец, в 1818–1820 годах в комиссии под руководством Н.Н. Новосильцова. И все три подготовленных проекта конституции российский самодержец так и не решился в вести в действие. Почему? Что заставило Александра I отказаться от осуществления цели, которую он еще до того, как стал императором, назвал главной целью своего правления?

* Corresponding author

E-mail addresses: tomsinov@yandex.ru (V.A. Tomsinov)

2. Материалы и методы

Статья опирается на документальные материалы: письма императора Александра I, протоколы «Негласного комитета», проекты и записки М.М. Сперанского, проект «Государственной уставной грамоты», тексты законодательных актов, воспоминания и письма государственных деятелей. Эти материалы анализируются посредством комплексного историко-юридического метода, позволяющего выявить социально-политическую подоплеку государственных реформ в России первой четверти XIX века и в то же время раскрыть подлинный смысл идеи конституции, составлявшей неотъемлемую часть общего плана государственных преобразований. Вместе с тем в статье применен диалектический метод: попытка введения в России конституционного строя Александром I представляется как дальнейшее развитие политики государственных реформ, которую пытался осуществить Павел I. Кроме того, идея конституции в ее российском варианте первой четверти XIX века анализируется не с теоретической, а с практической точки зрения – как неотъемлемый элемент проектов государственных реформ, как инструмент достижения тех целей, которые ставил перед собой император Александр I. Наконец, примененный в статье сравнительный метод позволил выявить особенности использования в условиях России идеи конституции для модернизации государства.

3. Обсуждение

В исторической литературе отказ императора Александра I от введения конституции, предполагавшейся самым характером его государственных реформ, их конечной целью, объясняется чаще всего личными качествами этого государя (его слабоволием, нерешительностью) или тем, что он только «играл в конституцию», но в действительности не желал ее вводить. В статье опровергается это мнение, показывается на примере конституционных проектов, что их разработка велась серьезно и тщательно с явным намерением ввести их в действие. Отказ Александра I от принятия конституции был предопределен незавершенностью самих государственных реформ, отсутствием в русском обществе реальной почвы для представительных учреждений. Попытки Александра I ввести в России конституционный строй с неизбежными «коренными» законами были не случайными и потому, что продолжали политику его отца Павла I в этом направлении.

Данная статья является результатом многолетних исследований автором конституционно-монархической традиции в политической культуре Российской империи, воплотившихся в целой серии статей и книг, опубликованных в России, Англии и США, таких как «Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века (М., 2012), «Сперанский». (Серия «ЖЗЛ». М., 2006), «Судьба определила всем обществам человеческим менять только пороки»: М.М. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований (Законодательство. 2016. № 8–12), «Конституционно-монархическая традиция в политической культуре России периода империи: конституционные проекты периода правления Екатерины II. Государственно-правовой опыт России: соотношение самобытного и заимствованного» (Барнаул, 2013), *The Nakaz of Catherine the Great. USA. Lawbook Exchange Ltd., 2010.* (в соавторстве с проф. У.Э. Батлером); *The Constitutional-Monarchical Tradition in Russian Political Culture. "The Best in the West". Educator, Jurist, Arbitrator. Liber Amicorum in Honour of Professor William Butler. London, 2014. P. 103–129* и др.

В своих работах автор доказывает, что зарождение этой традиции произошло еще в период Смуты, в начале XVII века, ее становление заняло весь XVIII век. В первой же четверти XIX столетия, охватывающей все царствование Александра I, российская конституционно-монархическая традиция достигла своей зрелости, и явным признаком этого является интенсивная разработка по инициативе самого императора идеи конституции.

Настоящая статья, в отличие от предыдущих работ автора, в которых идея конституции рассматривалась как идеологическая доктрина, предпринимает попытку раскрыть практическую значимость данной идеи для модернизации государственного строя Российской империи, показать подлинный смысл интенсивных работ над проектами конституции, которые осуществлялись по инициативе и под непосредственным контролем императора Александра I на всем протяжении его четвертьвекового царствования.

4. Результаты

Вступая после гибели отца Павла I на императорский престол, Александр ясно понимал, что российскому государству жизненно необходимы преобразования, чтобы искоренить пороки его устройства, ложившиеся тяжелым бременем на всех подданных и в том числе на чиновников. Именно на конституцию он возлагал тогда самую большую свою надежду в реформе всей государственной жизни Российской империи.

27 сентября/8 октября 1797 года великий князь, наследник престола Александр Павлович, пребывавший в то время в Гатчине, написал своему швейцарскому наставнику Фредерику-Сезару де Лагарпу довольно откровенное письмо, в котором уже в первых же строках объявил, что нуждается в его мнении и совете «касательно дела величайшей важности, а именно о том, как составить счастье России, даровав ей свободную конституцию (*constitution libre*)» (Александр I и Лагарп, 2014: 335–336).

Объясняя своему наставнику, почему он пришел к выводу о необходимости ввести в России конституционное правление, цесаревич сообщал, что его чрезвычайно угнетает картина злоупотреблений в управлении Российской империей, которые получили распространение в последние годы правления императрицы Екатерины II, но стали еще более нетерпимыми после восшествия на престол Павла I. «Батюшка, вступив на престол, пожелал все переменить, – писал великий князь Александр Павлович. – Начал и впрямь блестяще, однако не таково оказалось продолжение. Все разом перевернулось, отчего дела, и без того запутанные, в полный пришли беспорядок». Далее его высочество сетовал в письме Лагарпу, что новый государь занят в основном армией, разводами и смотрами военных, а гражданской части уделяет мало внимания. В ней все делается без всякого плана: «сегодня приказывают одно, а месяц спустя совсем противоположное; возражений не слушают до тех пор, пока не станет беда непоправимой».

Вывод, который цесаревич делал из своего описания государственного управления империей, был предельно категоричен. «Благополучие государственное никого не заботит; абсолютная власть все решает сама и действует вкривь и вкось, – жаловался он швейцарцу. – Не могу Вам исчислить все безумства, что здесь творятся. Прибавьте к этому суровость без справедливости, великую пристрастность и полнейшую неопытность во всех делах» (Александр I и Лагарп, 2014: 336).

Это описание пороков российского государственного управления уже само по себе подводило к мысли о том, что их источником является ничем не ограниченная императорская власть, носитель которой способен безнаказанно творить любой произвол и все в государстве перевернуть вверх дном. Как член императорской семьи Александр Павлович должен был, казалось бы, молчать об этом, но великий князь не постеснялся самыми резкими словами выразить неприятие политики своего августейшего родителя. «Все назначения не по достоинству совершаются, а лишь в зависимости от высочайшего расположения, – сообщал он в письме к Лагарпу. – Несчастное отечество мое пришло в состояние неопишное: земледелец утеснен, торговля затруднена, свобода и личное благосостояние уничтожены; вот картина нынешней России; судите, каково мне это видеть» (Александр I и Лагарп, 2014: 336).

Фредерик-Сезар де Лагарп, можно уверенно предположить, с большим удовольствием читал данное письмо: ведь это он внушил своему ученику критическое отношение к государственным порядкам Российской империи. И вряд ли швейцарец заметил, что цесаревич всего лишь выражал свои эмоции, настроения, взгляды, а больше всего – свое недовольство отношением к нему венценосного отца, который хотел воспитать из него человека и не щадил в нем цесаревича. «Сам я, – признавался он Лагарпу, – обречен входить в подробности службы военной и терять все свое время на исполнение обязанностей унтер-офицерских, минуты не имею для чтения, в прошлом излюбленного моего занятия, и сделался существом самым несчастным» (Александр I и Лагарп, 2014: 336).

Как же было ему не быть несчастным, если Павел часто публично распекал его, кричал ему, что он и с унтер-офицерскими обязанностями не справляется: «Вам, ваше высочество, только свиньями командовать!»

Самые главные слова Александр Павлович сообщил Лагарпу после своих жалоб на свою несчастную жизнь: «Вы знаете о намерении моем покинуть отечество. В настоящее время не вижу возможности его исполнить; вдобавок горестное состояние отечества моего сообщило мыслям моим иной ход. Подумал я, что, если когда-нибудь придет мой черед царствовать, тогда вместо того, чтобы покинуть отечество, надобно мне попытаться сделать его свободным, затем чтобы впредь никогда не становилось оно игрушкой в руках безумцев. Размышлял я на сей счет очень долго и пришел к выводу, что это будет наилучшей из революций, ибо совершится она законным правителем, который с себя полномочия сложит, лишь только конституция будет принята, а нация изберет своих представителей» (Александр I и Лагарп, 2014: 336-337).

Александр также поведал Лагарпу, что поделился мыслью о введении в России конституции с несколькими просвещенными персонами, которые давно уже о подобном плане размышляли, и назвал их: господин Новосильцов, граф Павел Строганов, князь Адам Чарторижский.

Ключевыми фразами этого весьма странного письма были: «Когда же мой черед придет, тогда надобно будет – разумеется, постепенно – подготовить нацию к тому, чтобы избрала она своих представителей и приняла свободную конституцию, после чего я власть с себя сложу полностью и, если Провидению угодно будет нам способствовать, удалось в какой-нибудь тихий уголок, где заживу спокойно и счастливо, видя благоденствие моей отчизны и зрелищем сим наслаждаясь. Вот каково мое намерение, любезный друг» (Александр I и Лагарп, 2014: 338).

«Любезный друг» Лагарп придал этому письму своего ученика чрезвычайно важное значение. Оригинал этого письма он, сделав с него несколько копий, хранил в Лондоне. В декабре 1831 года швейцарский наставник Александра I передал его через посредство российского посланника в Швейцарии Северина императору Николаю I. Венценосному брату Александра I это письмо показалось столь странным, порочащим всех его предшественников на императорском троне, что он немедленно по прочтении сжег его оригинал.

Действительно, в характеристике Павла I Александр был явно несправедлив. Идея конституции, которую сын воспринимал как религиозное верование, не была чужда его отцу. Более

того, ее введение в Российской империи являлось частью реформаторских замыслов Павла Петровича. Он очень не любил слова «конституция», но эта неприязнь была вполне объяснимой. Преподаватель Царскосельского лицея А.П. Куницын писал в 1818 году в очерке «О конституции»: «Несчастные опыты Франции в преобразовании своего правительства самое слово “конституция” сделали страшным; ибо с понятием онаго начали совокуплять понятие о бунтах, об испровержении властей законных и о всяких неустройствах государства» ([Куницын, 1818: 202](#)).

Мысль же о необходимости дать вверенной ему в управление стране фундаментальные законы Павел вполне разделял. Будучи еще наследником царского престола, он в ноябре 1778 года занес в свою записную книжку следующую мысль из мемуаров кардинала де Реца: «Когда правители государств не ведают ни их основных законов, ни свойственных им нужд, с ними случается несчастье». А в мемуарах другого видного государственного деятеля Франции – герцога Сюлли – Павлу Петровичу понравилось высказывание: «Первый закон для государя – соблюдение всех законов. Выше его самого два повелителя: Бог и Закон. Правосудие должно восседать на престоле; кротость должна быть прочнейшею его опорой».

В 1779 году Павел Петрович поделился следующим, весьма примечательным, мнением со своим наставником Петром Ивановичем Паниным: «Свобода, конечно, первое сокровище всякого человека, но должна быть управляема прямым понятием оной, которое не иным приобретается, как воспитанием, но оное не может быть иным управляемо (чтоб служило к добру), как фундаментальными законами».

Среди бумаг Павла той поры, когда он пребывал еще в статусе наследника престола, сохранился небольшой листок с указанием основных политических вопросов, над которыми он хотел при подготовке к императорскому поприщу подумать особо. В числе первых таких вопросов он назвал назвал:

- «1. О правлениях, их преимуществах и неудобствах, особливо относительно до нашей земли.
2. О образе правления.
3. О законе фундаментальном и о наследстве» ([Русский архив, 1882: 396](#)).

В конце 1787 года, намереваясь отправиться в действующую армию на войну с Турцией и понимая, что на войне его могут и убить, цесаревич Павел оставил на этот случай предписание о порядке управления Россией для нового российского императора, которым после смерти Екатерины II становился его сын Александр. В этом документе, помимо прочего, давался совет «положить закон, кому именно быть государем». На престол после Екатерины II взошел Павел, и в день своей коронации, 5 апреля 1797 года, новый государь принял закон о порядке наследования престола. В «[Полное собрание законов Российской империи](#)» он вошел под названием: «Акт, высочайше утвержденный в день священной коронации Его Императорского Величества и положенный для хранения на престоле Успенского собора» (см. полный текст данного закона в издании: [Законодательство Павла I, 2008: 120-123](#)). По своей юридической природе он являлся законом фундаментальным или конституционным. К такой же точно категории законодательства относилось и принятое 5 апреля 1797 года «[Учреждение об императорской фамилии](#)» ([Законодательство Павла I, 2008: 39-106](#)).

Так что надо признать: именно Павел I издал первые в России настоящие конституционные законы. Что же касается приведенного письма великого князя Александра к Лагарпу, то оно прежде всего является явным свидетельством, что осуществление операции по устранению злейшего врага Великобритании Павла I с российского императорского престола развернулось едва ли не сразу после того, как он стал императором. Во всяком случае, миф о безумии Павла, оправдавший его убийство, уже был вложен в голову его наследника (см. об этой операции главу «Убийство императора Павла I» в книге: [Временщик: 124-143](#)).

Взойдя на императорский престол, Александр I без промедления взялся за разработку конституции для Российской империи. Составил со своими молодыми друзьями П.А. Строгановым, Н.Н. Новосильцовым, В.П. Кочубеем и А.А. Чарторижским «Негласный комитет», молодой император начал всерьез обсуждать с ними вопрос о преобразовании самодержавно-монархического правления в конституционно-монархическое.

«Негласный комитет» регулярно собирался в период с 24 июня 1801 года по 12 мая 1802 года, но потом более года не работал. 26 октября 1803 года совещания Александра с друзьями-аристократами возобновились, но всего лишь на две недели. После 9 ноября 1803 года государь перестал их звать к себе для обсуждения планов и проектов государственных реформ. Между тем именно в рамках «Негласного комитета» были предприняты первые попытки Александра I создать для России конституцию. Обсуждая на первом заседании комитета свои задачи, его участники пришли к согласию в том, что требуется «прежде всего, узнать действительное положение дел, затем реформировать различные части администрации и, наконец, увенчать эти различные институты гарантией, предложенной в конституции, созданной в соответствии с истинным духом нации» ([Résultat d'une conférence, 1903: 61](#)). Любопытно, что записка, в которой русские аристократы обозначили цели работы своего «Негласного комитета», была написана на французском языке.

Среди интеллектуалов западноевропейских стран и США в то время доминировало понимание конституции в качестве документа высшей юридической силы, регулирующего взаимоотношения властей между собой, обеспечивающего соблюдение гражданских прав и свобод, защиту народа от произвола властей предрержащих. Подобное представление о назначении конституции было присуще и Александру I, и его друзьям, входившим в «Негласный комитет». Весной 1801 года П.А. Строганов составил записку «О состоянии нашей конституции», в которой объяснил смысл понятия «конституция». «По моему мнению, – сообщил он, – конституция есть законное признание прав народа и тех форм, в которых он может их осуществлять. Для укрепления действительности этих прав необходимо иметь гарантию, чтобы посторонняя власть не препятствовала их осуществлению». При отсутствии такой гарантии, утверждал граф Павел Александрович, «цель осуществления этих прав, которому препятствует каждая мера правительственной власти, будет противоречить истинному национальному интересу», эта цель будет отсутствовать, и «тогда можно будет сказать, что здесь нет конституции». Он выделял в конституции три части: 1) установление прав, 2) способ осуществления их и 3) гарантию (*De l'etat de notre constitution, 1903: 40*).

Повторяя в своей записке определение свободы, данное французской Декларацией прав человека и гражданина 1789 года, П.А. Строганов отмечал: «Благополучие людей заключается в гарантиях собственности и свободы делать все, что не может быть вредным другому. Способ обеспечения пользования ими закрепляется в административных нормах. Охранителями этих административных норм являются основные законы государства или, говоря иначе, конституция. Конституция есть закон, регулирующий метод, который надлежит соблюдать в выработке административных законов, каковые по необходимости, прежде чем подвергаться модификациям, толкованиям и т.д., должны претерпевать эти изменения согласно известному, закреплённому, неизменяемому способу, закрывающему дверь всякому произволу и, следовательно, уменьшающему зло, которое может появиться из различия способностей лиц, стоящих во главе государства» (*De l'etat de notre constitution, 1903: 41*). «Вот что я понимаю под конституцией», – заявлял русский аристократ, завершая это рассуждение о сущности такого явления, как конституция.

Результатом первых опытов конституционного творчества членов «Негласного комитета» стал проект под названием «Грамота Российской империи», содержащий статьи о представительном органе, некоторые положения английского «Habeas Corpus Act» 1679 года и даже французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года. Составил этот проект А.Р. Воронцов, а дорабатывали члены «Негласного комитета» Новосильцов и Кочубей. 12 августа 1801 года они представили его Александру I с предложением огласить на коронации 15 сентября, но император отказался от этой идеи.

С 10 марта и до 12 мая 1802 года «Негласный комитет» обсуждал проекты учреждения нового государственного органа под названием «министерство». Вопрос о конституции для Российской империи отошел на второй план. На заседаниях, прошедших 26 и 27 октября, 4 и 9 ноября 1803 года, о конституции никто из членов «Негласного комитета» даже не вспомнил. Первая попытка Александра I ввести в России конституционное правление никакого серьезного результата не дала.

Это не означало, что император Александр I совсем отказался от идеи конституции, он скорее отложил ее на последующее время. О том, что он продолжал думать о введении в России конституционно-монархического правления, свидетельствует данное им в 1804 году поручение М.Л. Магницкому привезти из Парижа конституционный проект. Оно было исполнено, и государь получил французский проект конституции вместе с «запискою о легком способе ввести ее» в действие.

Однако самым весомым фактом в пользу того, что Александр остался приверженцем идеи конституции и более того по-прежнему носил в себе намерение даровать русскому народу конституционное правление, является проект уложения государственных законов, разработанный по поручению его величества товарищем министра юстиции М.М. Сперанским.

В конце 1808 года Александр I поручил Сперанскому составить «план всеобщего государственного образования». Михаил Михайлович посвятил этой работе почти целый год и к началу октября 1809 года представил его величеству серию разработанных им проектов: «Введение к Уложению государственных законов», «Уложение государственных законов», «Краткое начертание государственного образования», приложив к ним записку «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам».

О том, что под «Уложением государственных законов» Сперанский понимал не что иное, как конституцию Российской империи, свидетельствуют следующие его слова из введения к этому документу: «Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроая политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы» (*Сперанский, 1961: 153*).

Главным предназначением конституции Александр I считал упрочение государственного порядка, придание ему свойства незыблемости. Сперанский разделял это мнение, поэтому называл конституцию «коренными государственными законами». В составленной для его величества записке

«Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам» он назвал главной целью политической реформы «поставить образ правления империи на непременимом законе, дать внутреннее политическое бытие России», отметив при этом, что достигнута она может быть, если сначала «определить разум коренных государственных законов, то есть начертать план конституции» (Сперанский, 1961: 231). В 1813 году, по прошествии четырех лет после создания своих конституционных проектов, Сперанский, находясь в ссылке в Перми, напомнил в письме Александру I о плане реформы государственного строя Российской империи, который разрабатывал по поручению его величества, и, выражая его суть, заметил: «Весь разум сего плана состоял в том, чтоб посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию сея власти более правильности, достоинства и истинной силы» (Сперанский. Пермское письмо, 1813: 52).

Западноевропейские мыслители и государственные деятели конца XVIII – начала XIX веков видели в конституции прежде всего выражение народной воли и способ ограничения верховной государственной власти, обуздания ее произвола. Это предназначение они усматривали и в принципе разделения властей, который считали главным, неотъемлемым началом истинной конституции.

Российский император Александр I и М.М. Сперанский рассматривали конституцию прежде всего в качестве средства усиления верховной государственной власти, упорядочения государственного управления, ограничения произвола чиновников. В конце XVIII – первой четверти XIX веков в России происходил стремительный рост чиновничества. За время с середины 80-х годов XVIII века до 1808 года, когда Александр I принял решение приступить к разработке проекта конституции, численность чиновничества возросла не менее чем в 2,5 раза – приблизительно до 30 000 человек. Такой рост наблюдался во всех развитых странах: он был обусловлен развитием экономики и переменами в общественном строе общества. К середине XIX века численность бюрократии в Российской империи утроится. При этом в других развитых странах количество чиновников в соотношении с численностью населения будет намного больше, чем в России.

Вследствие стремительного расширения административного аппарата самодержавная власть в России столкнулась с угрозой утратить контроль над страной. Чиновничество быстро превращалось в самостоятельную силу, ограничивающую власть императора. В недрах стремительно расширявшейся бюрократии нарастал хаос. По воспоминаниям современников, обычной картиной канцелярского быта стали горы нераспечатанных пакетов с указами императора, с приказами, распоряжениями вышестоящего начальства.

Монархия как форма единоличной власти превращалась в обыкновенную химеру. Носитель верховной государственной власти оказывался все менее способным самостоятельно управлять страной.

В этих условиях очевидным способом усиления монархической власти или хотя бы сохранения ее самодержавности было кардинальное изменение характера осуществления государственной власти. Персоналистская система осуществления государственной власти, при которой функции чиновников, их полномочия, права и обязанности отличаются неопределенностью, когда единственно определенным для них является требование беспрекословно подчиняться начальству, исполнять исходящие от него команды вследствие многократного увеличения численности исполнительного аппарата, усложнения задач, стоящих перед государством, оказывалась все более неэффективной. В этих условиях стала очевидной необходимость замены персоналистской системы властвования на институционную, при которой чиновники подчиняются не персонам, а правовым нормам, нормативным актам, различного рода инструкциям, четко определяющим их функции, полномочия, должностные обязанности и права.

Заслуга императора Александра I заключалась в том, что он рано, еще в бытность наследником престола, ясно осознал необходимость модернизации государственного строя Российской империи, уменьшения персонализации действующей в ее границах системы государственной власти, ограничения самовластья на всех уровнях государственного управления, создания и развития государственных институтов, усиления институционности государственной власти. Не случайно на оборотной стороне медали на свое коронование, под изображением короны, Александр I приказал высечь слово «закон» и утверждение в России принципа законности провозгласил одной из главных задач своего правления.

То, что это было не просто благое намерение молодого императора, а главное направление его государственной деятельности, доказывают огромные усилия по систематизации российского законодательства, разработки целой серии кодексов – гражданского, уголовного, торгового, уставов гражданского и уголовного судопроизводства, предпринимавшиеся российским правительством в первой четверти XIX века. Накопленный в процессе этих попыток материал и выработанные идеи и принципы легли в основание работ по созданию 45-томного полного собрания и 15-томного свода законов Российской империи, начатых в первый же год правления преемника Александра I на царском троне императора Николая I и завершенных уже к 1833 году.

Молодой чиновник М.М. Сперанский оказался для молодого императора сущей находкой: Михаил Михайлович был именно тем человеком, который мог разработать конкретные проекты

модернизации российского государства, многочисленные нормативные акты, положения, инструкции, регулирующие внутреннюю организацию и деятельность различных органов государственной власти и управления: Государственного совета, Правительствующего Сената, министерств, устанавливающих порядок государственной службы и требования к чиновникам. Но самое главное – Сперанский так же, как и Александр I, отчетливо понимал, что переход от персоналистской системы осуществления государственной власти, при которой государственный порядок на всех его уровнях поддерживается самовластьем начальствующих персон, к системе институциональной возможен только при установлении конституционного строя, предполагающего верховенство не людей, а законов, а над законами – конституции.

В явлении, называемом политической конституцией, М.М. Сперанский так же, как и его величество, видел модель нового или обновленного государственного строя – инструмент для превращения государственной власти персоналистского характера, предполагающего определяющее влияние личности ее носителя на ход государственных дел, в институциональную государственную власть, при которой главная роль принадлежит не властвующим персонам, а составляющим систему этой власти институтам, принципам, юридическим нормам.

Наконец, сближало чиновника Сперанского с императором Александром I понимание того, что прочными, необратимыми преобразованиями могут быть только преобразования постепенные. На эту истину наводил молодого императора неудачный опыт скорострельных, порывистых реформ его несчастного отца Павла I. Эту истину внушал ему и его швейцарский наставник. 16 октября 1801 года, когда шел только восьмой месяц пребывания Александра на царском престоле, Лагарп наставлял его: «Чем более зрелыми будут деяния Ваши, ибо мудрому правителю лишь таковые пристали, тем более прочными окажутся их результаты». Следующие фразы, написанные после этих слов, швейцарец выделил курсивом, чтобы показать, что придает им особое значение: «Надобно, чтобы русские, как правители, так и подданные отвыкли от резких перемен в управлении, которые, можно сказать, сделались для них второй натурой, и научились отныне ценить развитие медленное и постепенное, которое мерным ходом своим всех себе покоряет и, к великому счастью, отнимает у самого правительства возможность действовать наобум» (Александр I и Лагарп, 2014: 338).

Сперанский разделял эту мысль и считал, что необратимые реформы можно провести только при содействии времени. Он был против того, чтобы реальную жизнь общества и государства насильно подгонять под какие-то планы, проекты, схемы, модели, и предлагал такую технологию осуществления государственных реформ, которая предполагала не уничтожение прошлого ради будущего, а сохранение его в будущем, не прыжок из старого общественного состояния в новое, а постепенное переселение в него.

Одним из важнейших предназначений конституции Сперанский считал поддержание легитимности действующей государственной власти. В записке «О коренных законах государства» он категорично утверждал: «Всякое законное на земли правительство должно быть основано на общей воле народа» (Сперанский, 1961: 34). В его представлении это означало, что конституция должна проистекать не от верховной государственной власти, а от воли народа. Невозможно, считал он, допустить, чтобы народ доверил определять пределы власти тому самому лицу, для которого они полагаются, поэтому «во всех правильных монархических системах все коренные законы должны быть творением народа» (Сперанский, 1961: 22).

Сперанский вполне понимал, что народ не может быть творцом конституции, поэтому его слова о том, что коренные законы должны быть творением народа, подразумевали на самом деле только одобрение народом проекта конституции, заранее составленного знающими, учеными людьми по поручению верховной государственной власти. Такой проект он как раз и разрабатывал, и эта его работа являлась настоящим научно-исследовательским трудом, предполагавшим изучение сущности государственных законов, усвоение смысла основных категорий государственного права, выработку принципов классификации государственных законов. «Чтобы определить план Государственного уложения, надлежит прежде всего составить истинное понятие вообще о законах государственных» (Сперанский, 1961: 144), – заметил он в начале «Введения к Уложению государственных законов». И содержание этого сочинения действительно более похоже на научный трактат, нежели на вводную часть конституции Российской империи.

Представляя императору структуру Государственного уложения (конституции), Сперанский выделял в ней такие предметы, как: 1) «права державной власти», 2) «права престола и его наследства», 3) «образ составления законов, их сила и действие», 4) «права подданных», 5) «законы органические», под которыми он понимал законодательные акты, определяющие устройство тех государственных органов, которые закон издают и исполняют (Сперанский, 1961: 232).

Идея конституции, если она рассматривается не с научной, теоретической точки зрения, а с практической – как неотъемлемый элемент проектов государственных реформ, как инструмент достижения тех целей, которые ставят перед собой реформаторы, если они предпринимают попытку создать конституционный проект, неизбежно сталкивается с реальной действительностью той страны, в которой предполагается введение этого проекта в действие. Именно это и происходило при всех попытках императора Александра I даровать России конституционный строй. И Сперанский в

своих записках отразил драматичное столкновение идеи конституции с российской действительностью

Считая конституцию необходимым элементом и даже условием нормально устроенного государства, Сперанский признавал при этом, что одной ее недостаточно для обуздания произвола властвующих. «Много те ошибаются, – утверждал он, – кои думают, что права, разным состояниям дарованные, или преимущества, разным сословиям судебным или и законодательным данные, могут соделать законы твердыми или установить образ правления – его здание, воздвигнутое на песке... Тщетно писать или обнародовать общие государственные положения или конституции, не основав их на действительной государственной силе. Они могут быть превосходны, но никогда не будут самостоятельны» (Сперанский, 1961: 33). Но что могло, по его мнению, составить «действительную государственную силу», способную обеспечить соблюдение конституции?

Идея конституции в том содержании, в котором она утвердилась в политико-правовой идеологии развитых стран к началу XIX века, предполагала самым прочным основанием конституционного строя и главным источником государственной власти нацию или народ. Сперанский также утверждал, что «правительство не может иметь другой силы, как ту, которую ему народ для действия его уделает» (Сперанский: 34). И размышляя над проблемой обеспечения соблюдения законов, указывал на два, по меньшей мере, преимущества народа, позволявших ему ограничивать произвол носителей верховной государственной власти. Это, во-первых, превосходство сил народа в количественном отношении над силами правительства и, во-вторых, производность сил правительства от сил народа. «Не правительство рождает силы народные, – подчеркивал Сперанский, – но народ составляет силы его. Правительство всемошно, когда народ быть таковым ему подпускает» (Сперанский, 1961: 35).

Однако, несмотря на признание этой истины, Сперанский понимал, что народ не способен сам по себе обеспечить соблюдение конституции. Чтобы успешно выполнять эту роль, указывал он, «народ не только должен знать точные пределы власти и быть готовым всечасно защищать их, но он должен быть соединен в своих видах во всей его массе; иначе при малейшем разделении польз разных его состояний, силы его истощатся во взаимной борьбе их между собою и не дадут ему возможности противопоставить что-либо правительству» (Сперанский: 36). В действительности же ни один народ этими свойствами обладать не может. Между тем силы, вверенные народом правительству, соединены в одну массу и находятся в монопольном распоряжении государственных органов. Но если народ не способен по ряду причин стать фактором, сдерживающим произвол государственной власти и обеспечивающим соблюдение конституции то, что тогда может выполнять эту функцию? И возможно ли вообще создать в обществе противовес властвующим?

Михаил Михайлович считал, что такой противовес вполне может быть создан. Для этого надо, по его мнению, прежде всего устранить то, что при всех формах правления делает силы народа ничтожными и утверждает самовластие, а именно: раздробление народа по сословиям, обладающим исключительными правами. «Какую бы силу народ ни имел в своем характере, – пояснял Сперанский, – есть ли он будет раздроблен на мелкие классы, есть ли каждый класс будет иметь свои особенные выгоды и преимущества, можно утвердительно сказать, что никто ничего иметь не будет; все будет управляемо неограниченной волею, коея знаменем во всех веках было: раздели и царствуй, *divide et impera*» (Сперанский, 1961: 36). Поэтому первым шагом к ограничению самовластия он считал соединение всех сословий с тем, чтобы предотвратить их борьбу между собой и уравновесить силу правительства общественной силой.

Понимая, что весь народ не может действовать в роли хранителя конституционного строя и противовеса произволу власть предержащих, Сперанский допускал, что эти функции успешно может исполнять часть народа – «особенный класс людей, который бы, став между престолом и народом, был довольно просвещен, чтоб знать точные пределы власти, довольно независим, чтоб ее не бояться, и столько в пользах своих соединен с пользами народа, чтоб никогда не найти выгоды своих изменить ему» (Сперанский: 37). Таким образом, Сперанский считал наиболее эффективной общественной силой, способной обеспечить соблюдение конституции и ограничить произвол носителей государственной власти, особым образом организованную национальную политическую элиту.

Император Александр I ввел в действие проекты Сперанского, предусматривавшие создание Государственного совета, реформу министерств, государственной службы и т.д., однако установление в России конституционного строя его величество посчитал преждевременным. Не был введен в действие и разработанный Сперанским проект Гражданского уложения Российской империи, который, устанавливая незыблемые имущественные отношения и гарантии неприкосновенности собственности, создавал фундамент для политической конституции. Воздержаться от коренных преобразований государственного строя Александра I заставила в какой-то мере явно наметившаяся в 1810 году перспектива военного столкновения с наполеоновской Францией (Роковая война: 15-82). Но более существенную роль в отказе императора от конституционной реформы сыграли другие причины.

Отечественная война 1812 года с Францией и последовавший после изгнания французских войск из пределов России заграничный поход русской армии заставили Александра I приостановить

разработку государственных реформ. Затем в течение трех лет российский император был всецело занят неотложными внешнеполитическими и внутригосударственными делами.

15 марта 1818 года Александр I произнес речь на открытии польского сейма, в которой заявил полякам, «что законносвободные учреждения», которые он даровал Польше, являются «непрестанно» предметом его помышлений, что их «спасительное влияние» он надеется «с помощью Божией распространить на все страны», вверенные его попечению, что поляки подали ему средство явить своему отечеству то, что он уже с давних лет ему приуготовляет и «чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости». Государь говорил на французском языке, но его выступление было немедленно переведено на русский и опубликовано в столичных газетах – «Московских ведомостях» (1818. № 29) и «Северной пчеле» (1818. № 26), а в «Сыне отечества» в том же году появился очерк «О конституции» слывшего вольнодумцем профессора А.П. Куницына, в котором он с гордостью за своего императора, подарившего полякам, не удержавшимся от участия в наполеоновском военном походе в Россию, конституцию, заявил: «Государь-победитель, вследствие своего великодушного обещания, дает свободную Конституцию народу, им побежденному, принимает на себя бремя его правления, дабы лучше устроить судьбу его, доселе зыблемую и бедственную, собирает вокруг трона своего народных представителей, убеждает их пещись о благе своих соотечественников, изъявляя готовность утвердить своею державною волею все то, что они найдут нужным и полезным для блага общего» (Куницын, 1818: 210). Александр I исполнил все-таки мечту своей юности – стал конституционным монархом – правда, для поляков, а не русских.

Впрочем, и русских его величество не совсем обманул. С мая 1818 года в Варшаве под руководством Н.Н. Новосильцова развернулись работы по подготовке конституции для Российской империи. Среди тех, кто участвовал в них в качестве переводчика и редактора, присутствовал князь П.А. Вяземский. 22 июля 1818 года он сообщил в Санкт-Петербург своему другу А.И. Тургеневу: «Так как до сего времени не имел еще канцелярской работы по отъезде государя, то над конституциею сидел у себя дома. Я ее отваял. Пришли мне, если можно, печатанные проекты Сперанского; он был большой ковач слов, а я теперь словами промышляю» (Остафьевский архив, 1899: 109).

К лету 1819 года был составлен первый вариант проекта конституции для Российской империи. Его передали на ознакомление Александру I. Вяземский был тогда в Петербурге, но собирался отправиться в Варшаву. В один из дней его попросили прийти к государю и взять у него письмо для Новосильцова. «Государь говорил со мною более получаса, – вспоминал Петр Андреевич. – Сначала расспрашивал он меня о Кракове, куда я незадолго пред тем ездил, изъяснял и оправдывал свои виды в рассуждении Польши, национальности, которую хотел сохранить в ней, говоря, что меры, принятые императрицею Екатериною при завоевании польских областей, были бы теперь не согласны с духом времени; от политического образования, данного Польше, перешел государь к преобразованию политическому, которое готовит России; сказал, что знает участие мое в редакции проекта русской конституции, что доволен нашим трудом, что привезет с собою доставленные бумаги в Варшаву и сообщит критические свои замечания Новосильцову, что надеется привести непременно это дело к желаемому окончанию, что на эту пору недостаток в деньгах, потребных для подобного государственного оборота, замедляет приведение в действие мысль, для него священную; что он знает, сколько преобразование сие встретит затруднений, препятствий, противоречия в людях, коих предубеждения, легкомыслие приписывают сим политическим правилам многие бедственные события современные, когда при, беспристрастнейшем исследовании, люди сии легко могли бы убедиться, что сии беспорядки проистекают от причин совершенно посторонних» (Вяземский, 1879: 87-88).

В октябре 1819 года Александру I был представлен доработанный с учетом его замечаний проект российской конституции. Государь принял его за основу и поручил завершить его разработку в ближайшие месяцы. Осенью 1820 года государь снова появился в Варшаве и познакомился с доработанным вариантом конституционного проекта. Его текст был написан на двух языках – французском и русском. Французский вариант озаглавили как «La charte constitutionnelle de l'empire de Russie», что переводилось на русский язык словами «Конституционная хартия Российской империи». Однако русский вариант этого проекта был назван по-другому: «Государственная уставная грамота Российской империи». Перевод ключевых слов с французского языка на русский государь правил самолично. Вяземский в своих воспоминаниях о службе в Варшаве отметил, что «перевод слов: *constitution* и *liberal* – словами: *государственное уложение* и *законносвободный*, принадлежат самому государю» (Вяземский, 1878: XXXVI).

Составленную в Варшаве Государственную уставную грамоту Александр I хотел преподнести России в дар, то есть предполагалось, что это будет конституция октроированная или пожалованная самодержцем своим подданным. Ее текст завершался следующим заявлением его величества: «Убедившись в совести, что вышеизложенные коренные постановления соответствуют отеческим нашим желаниям утвердить благосостояние и спокойствие любезных наших верноподданных, основать неприкосновенность их лиц и собственности и охранить нерушимость их прав гражданских и политических, мы жалуем им сию уставную грамоту, которую признаем за себя и преемников

наших коренным и уставным законом нашего государства, предоставляя себе оную дополнить. Повелеваем всем государственным властям содействовать ее исполнению» (Грамота, 1898: 526).

Десятая статья Государственной уставной грамоты подтверждала октроированный характер данной конституции: в ней объявлялось, что данная Грамота, определяющая основания державной власти и образ действия, жалуется императором Александром I своим верноподданным «на вечные времена».

Содержание этого конституционного проекта явно свидетельствует, что он разрабатывался с действительным намерением преобразовать самодержавно-монархический строй Российской империи в конституционно-монархический. Его текст состоял из 191-й статьи, разбитых на шесть глав: 1. «Предварительные распоряжения»; 2. «О правлении Российской империи»; 3. «Ручательства державной власти»; 4. «О народном представительстве»; 5. «О судебной власти»; 6. «Общие постановления».

Первая статья Государственной уставной грамоты устанавливала, что «Российское государство, со всеми владениями, присоединенными к нему, под каким бы наименованием то ни было, разделяется, сообразно с росписанием у сего приложенным, на большие области, называемые наместничества» (Грамота, 1898: 499). А каждое наместничество, в свою очередь, должно было включать в себя, согласно второй статье, определенное число губерний в зависимости от численности населения, расстояния, обширности, нравов, обычаев, особенных и местных законов. Губернии же, как и прежде, составлялись из уездов, а уезды – из округов.

Статья 9 Грамоты подтверждала юридическую силу порядка наследования императорского престола, установленного Павлом I. Статья 12 провозглашала, что «государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных. Он управляет исполнительную часть во всем ее пространстве. Каждое начальство исполнительное, управительное и судебное им одним постановляется» (Грамота, 1898: 500). Однако следующая статья оговаривала, что законодательная власть должна осуществляться государем при содействии государственного сейма.

В Государственной уставной грамоте было предусмотрено и правило контрасигнатуры, ограничивавшее осуществление императором исполнительной власти. Статьей 34 предписывалось все издаваемые законы, уставы, учреждения, указы, повеления и постановления скреплять подписью «того из министров, до которого они, по содержанию своему, будут принадлежать» (Грамота, 1898: 502).

В следующей статье говорилось о Государственном совете, который должен был заседать под председательством императора и состоять «из министров, членов государственного совета, государственных докладчиков или статс-секретарей и из особ, коих угодно будет его императорскому величеству в него призвать» (Грамота, 1898: 503).

Как и положено в нормальной конституции, Государственная уставная грамота содержала набор гарантий личной и имущественной неприкосновенности подданных. Здесь провозглашались, в частности, равенство всех перед законом, запрет на задержание, лишение свободы, назначение наказания без вины и без суда, гарантии против необоснованного ареста, право просить помилование при осуждении на смертную казнь, на вечную и свыше 15 лет ссылку, заточение и каторжные работы. Кроме того, данный конституционный проект предусматривал предоставление каждому российскому подданному права «вольно переселиться в другое государство и вывезть свое имение, лишь бы соблюдал законом предписанные на таковые случаи правила» (ст. 90). Статья 97 Грамоты провозглашала священность и неприкосновенность права собственности.

Таким образом, Государственная уставная грамота наделяла подданных Российской империи правами и свободами, которыми обладали в то время подданные и граждане самых развитых в мире держав: Англии, США, Франции. Среди этих прав и свобод были, например, такие, которые декларировались английским Habeas Corpus Act 1679 года (Актом о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями), французской Декларацией о правах человека и гражданина 1789 года, Биллем о правах США 1791 года и т.д.

Особое значение для русского общества имела статья 91, объявлявшая: «Да будет российский народ от ныне на всегда иметь народное представительство. Оно должно состоять в Государственном сейме (Государственной думе), составленном из государя и двух палат. Первую, под именем высшей палаты, образует Сенат, а вторую, под именем Посольской палаты, – земские послы и депутаты окружных обществ» (Грамота, 1898: 511).

Статьей 115 Общий государственный сейм (Государственная дума) наделялся правом рассматривать «все проекты законов гражданских, уголовных и по части управительной, коих действие распространяется на всю империю». Кроме того, этот орган призван был подвергать обсуждению предложения, «вносимые по высочайшему повелению, о прибавлении и уменьшении налогов, податей, сборов и всякого рода общественных повинностей, о удобнейших и справедливейших раскладах, о уравнении налогов и податей по всему государству по мере силы и возможности каждой наместнической области, о составлении главного росписания доходов и расходов (бюджет), на основании представленных ему на рассмотрение частных росписаний доходов

и расходов, составленных в каждой области наместничества, равно как и о всех других предметах, на рассуждение по воле государя ему отсылаемых» ([Грамота, 1898: 515](#)).

На утверждение государя мог быть передан только законопроект, принятый обеими палатами сейма. Если государь утверждал его, то он становился законом. Если не утверждал, то проект уничтожался. Общероссийский представительный орган создавался явно по образцу парламента Великобритании. И надо признать, что в содержании Государственной уставной грамоты Российской империи, созданной 1818–1820 годах в Варшаве, было немало норм и процедур заимствовано из конституций, действовавших в ведущих державах того времени. Правда, заимствования эти были не буквальными, а смысловыми.

Император Александр I, по всей видимости, всерьез предполагал ввести этот конституционный проект в действие. В октябре 1819 года он одобрил его основополагающие статьи, а в следующем месяце распорядился объединить Тульскую, Орловскую, Воронежскую, Тамбовскую и Рязанскую губернии в единую административную территорию с генерал-губернатором во главе. И даже произвел назначение на эту должность – ее занял А.Д. Балашов. То есть государь сделал первый шаг к созданию наместничеств, предусмотренных Государственной уставной грамотой.

Однако даже частичного осуществления на практике эта задуманная Александром I коренная реформа государственного строя Российской империи не получила. Государь отказался вводить в действие разработанную при его непосредственном участии конституцию. Между тем русское образованное общество до конца правления Александра I надеялось на то, что он проведет подобную реформу и ограничит, как обещал в начале своего царствования, и произвол чиновников, и собственное самовластье.

Декабрист Петр Каховский писал из Петропавловской крепости в оправдательном письме к Николаю I о его венценосном брате: «Кончилась война с Наполеоном, мы все надеялись, что император займется внутренним управлением в государстве, с нетерпением ждали закона «постановительного» (т.е. конституционного. – Авт.) и преобразования судопроизводства нашего; ждали, – и что же? Чрез 12 лет лишь переменялась форма мундиров гражданских!» ([Из показаний декабристов, 1906: 28](#)). Русские купцы также негодовали, видя сколь много времени тратил Александр I на разводы, парады и смотры войск, слыша передававшиеся по России его нелестные оценки русских людей. «Если ему не нравится в России, почему он не ищет короны в другом месте? На что годится государь, который совсем не любит своего народа?» – вопрошали они.

5. Заключение

Намерение облечь монархическую власть в конституционную форму Александр I носил в себе почти два десятилетия, но так и не решился его осуществить. Как это можно объяснить? Одну из причин обозначил сам Александр. Осенью 1820 года, пребывая на международном конгрессе в Троппау, он сказал в беседе с французским посланником: «Я люблю конституционные учреждения и думаю, что всякий порядочный человек должен любить их; но можно ли вводить их безразлично у всех народов. Не все народы готовы в равной степени к их принятию». Российский император не стеснялся демонстрировать, что разочаровался в своем народе, что считает его не готовым к восприятию конституционного порядка.

Конституционный строй даже в форме конституционной монархии действительно не имел в первой четверти XIX века твердой почвы в русском обществе. Такой строй предполагает существование независимых от исполнительной власти представительных учреждений. Но кто в России эпохи правления Александра I мог бы наполнить их состав, чтобы они действительно были бы способны соответствовать своему предназначению? Не было таких слоев населения. Именно поэтому Сперанскому пришлось изобретать некое совершенно искусственное «сословие», которому надлежало, по его замыслу, обеспечивать соблюдение конституции.

Но самое, пожалуй, существенное основание для сохранения самодержавного строя в России составляла необходимость проведения коренных общественных реформ, среди которых особенно назревшими были отмена крепостного права, ликвидация традиционного механизма осуществления суда административными органами и создание настоящей системы правосудия, формирование новой системы местного управления. Самодержавная власть императора, предполагавшая несвязанность его особы представительными учреждениями и законами, независимость его персоны от различных общественных группировок и т.д., позволяла ему стать в достаточной степени эффективным орудием коренных общественных преобразований, отвечающих интересам государства российского, и относительно легко преодолевать при этом сопротивление этим преобразованиям со стороны тех или иных слоев общества.

Если бы в России до проведения «великих реформ» 60–70-х годов XIX века была принята конституция и установился строй ограниченной монархии с представительными учреждениями, то вряд ли эти реформы были «великими».

Литература

- Александр I и Лагарп, 2014** – Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы. В 3-х томах. Том 1. 1782–1802. М., 2014.
- Временщик, 2013** – *Томсинов В.А.* Временщик. Исторический портрет А.А. Аракчеева. Издание 3-е, обновленное и дополненное. М., 2013.
- Вяземский, 1878** – *Вяземский П.А.* Автобиографическое введение // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. В 12-ти томах. Том 1. СПб., 1878. С. I-LX.
- Вяземский, 1879** – *Вяземский П.А.* Моя исповедь // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. В 12-ти томах. Том 2. СПб., 1879. С. 85-111.
- Грамота, 1898** – Государственная уставная грамота Российской империи // *Шильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. В 4-х томах. Том 4. СПб., 1898. С. 499-586.
- Законодательство Павла I, 2008** – Законодательство императора Павла I / Сост., автор предисловия и биографического очерка В.А. Томсинов. М., 2008.
- Из показаний декабристов, 1906** – Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А.К. Бороздина. СПб., 1906.
- Куницын, 1818** – *Куницын А.П.* О конституции // Сын отечества. 1818. Ч. 45. № 18. С. 202-211.
- Остафьевский архив, 1899** – Остафьевский архив князей Вяземских. Том 1. СПб., 1899.
- Роковая война, 2012** – *Томсинов В.А.* Роковая война Наполеона Бонапарта // Партитура первой отечественной. Война 1812 года. М., 2012. С. 15-82.
- Русский архив, 1882** – Русский архив. 1882. Вып. 2.
- Сперанский, 1961** – *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.-Л., 1961.
- Сперанский. Пермское письмо, 1813** – *Сперанский М.М.* Пермское письмо к Александру Павловичу (январь 1813 г.) // Русский архив. 1892. Кн. 1. Вып. 1. С. 51-65.
- De l'état de notre constitution, 1903** – De l'état de notre constitution // Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов. СПб., 1903. Том 2. С. 40-42.
- Résultat d'une conférence, 1903** – Résultat d'une conférence avec l'Empereur le 24 Juin 1801 // Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. В 3-х томах. СПб., 1903. Том 2. С. 61-64.

References

- Alexander I and La Harpe, 2014** – Imperator Alexander I i Frederick-Cesar La Harpe (2014): Pisma. Documenti. In 3 tomah. Tom 1. 1782-1802 [The Emperor Alexander I and Frederick-Cesar de La Harpe: Letters. Documentation. In 3 volumes. Volume 1. 1782-1802]. M. [in Russian]
- De l'état de notre constitution, 1903** – De l'état de notre constitution (1903). *Velikii knjaz Nikolai Mihailovich. Graf Pavel Alexandrovich Stroganov (1774–1817). Istoricheskoe issledovanie epohi imperatora Alexandra I.* V 3-h tomah. Tom 2. SPb., pp. 40-42. [in French]
- Gramota, 1898** – Gosudarstvennaha Ustavnaja gramota Rossiiskoi imperii (1898) // *Silder N.K.* Imperator Alexander I, ego zhish i zarstvovanie. V 4-h tomah. Tom 4 [State Charter of the Russian Empire]. Schilder NK Emperor Alexander I, his life and reign. In 4 volumes. Volume 4, pp. 499-586. SPb. [in Russian]
- Iz pokazanii dekabristov, 1906** – Iz pisem i pokazanii dekabristov. Kritika sovremennogo sostojania Rossii i plani budushego ustrojstva. Pod red. A.K. Borozdina. [From letters and testimonies of the Decembrists. Criticism of the current state of Russia and plans for the future device]. SPb, 1906. [in Russian]
- Kunizin, 1818** – *Kunizin A.P.* (1818). O konstituzii [On the Constituion]. Syn onechestva. Ch. 45. № 18, pp. 202-211. [in Russian]
- Ostafievskii arhiv, 1899** – Oatafievskii arhiv knjazei Vjazemskih (1899). [Ostafevsky archive of princes Vyazemsky]. Tom 1. [in Russian]
- Résultat d'une conférence, 1903** – Résultat d'une conférence avec l'Empereur le 24 Juin 1801 (1903). // *Velikii knjaz Nikolai Mihailovich. Graf Pavel Alexandrovich Stroganov (1774–1817). Istoricheskoe issledovanie epohi imperatora Alexandra I.* V 3-h tomah. Tom 2. SPb., pp. 61-64. [in French]
- Rokovaja vojna, 2012** – *Tomsinov V.A.* (2012). Rokovaja vojna Napoleona Bonaparta [The fatal war of Napoleon Bonaparte]. Partitura pervoi otechestvennoi. Vojna 1812 goda, pp. 15-82. [in Russian]
- Russkii arhiv, 1882** – Russkii arhiv [Russian archive]. 1882. Vip. 2. [in Russian]
- Speranskii, 1961** – *Speranskii M.M.* (1961). Proekti i zapiski [Projects and notes]. M. [in Russian]
- Speranskii. Permskoe pismo, 1813** – *Speranskii M.M.* (1813). Permskoe pismo k Alexandru Pavlovichu (janvar 1813 g.) [Letter from Perm to Alexander Pavlovich (January 1813)]. *Russkii arhiv*, 1892. Kn.1. Vip. 1, pp. 51-65. [in Russian]
- Vjazemskii, 1878** – *Vjazemskii P.A.* (1878). Avtobiograficheskoe vvedenie. Polnoe sobranie sochinenii knjazja P.A. Vjazemskogo. V 12 tomah. Tom 1. [Autobiographical introduction. Complete works of Prince P. A. Vyazemsky. In 12 volumes. Volume 1], pp. I-LX. SPb. [in Russian]
- Vjazemskii, 1879** – *Vjazemskii P.A.* (1879). Moja ispoved. Polnoe sobranie sochinenii knjazja P.A. Vjazemskogo. V 12 tomah. Tom 2. [Vyazemsky P. A. My confession. Complete works of Prince P.A. Vyazemsky. In 12 volumes. Volume 2], pp. 85–111. SPb. [in Russian]

Vremenshik, 2013 – Tomsinov V.A. (2013). Vremenshik. Istoricheskii portret A.A. Arakcheeva. Izdanie 3-t, obnovlennoe i dopolnennoe [Vremenshik. A historical portrait of A. A. Arakcheev. 3rd edition, updated and supplemented]. M. [in Russian]

Zakonodatelstvo Pavla I, 2008 – Zakonodatelstvo imperatora Pavla I. Sost., avtor predislovia i biograficheskogo ocherka V.A. Tomsinov. [The law of Emperor Paul I. Compilation, Preface and biographical sketch of V.A. Tomsinov]. M., 2008. [in Russian]

Идея конституции в проектах государственных реформ русского императора Александра I

Владимир Алексеевич Томсинов^{a, *}

^a Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена попыткам императора Александра I ввести конституцию и представительные институты в России. Идея конституции являлась основной идеей государственных реформ императора Александра I. Она вытекала из главного замысла этих реформ и должна была стать их конечной целью. За время своего почти двадцатипятилетнего правления Александр I как минимум трижды затевал разработку проекта Конституции для Российской империи с намерением ввести его в действие, но так и не решился этого сделать. Автор показывает, что эти попытки не были "игрой в реформы", а выражали реально существовавшее у императора намерение ввести в России конституционное правление. И отказ от его осуществления имел серьезные основания. Наиболее значимой причиной сохранения самодержавного строя в России была необходимость проведения коренных государственных преобразований, самыми назревшими среди которых являлись: отмена крепостного права, систематизация законодательства, создание нового суда, формирование новой системы местного управления. Самодержавная власть императора, предполагавшая несвязанность его личности представительными учреждениями и законами, независимость его особы от различных социальных групп и т.д. позволяла ему служить эффективным инструментом реформ, отвечавших интересам русского государства, и относительно легко преодолеть сопротивление этим преобразованиям со стороны влиятельных общественных группировок.

Ключевые слова: XIX век, Россия, император Александр, идея конституции, Сперанский.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tomsinov@yandex.ru (В.А. Томсинов)